

ОРДУНИ

Красавица и дикарь

Ордуни

Красавица и дикарь

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=26535419

ISBN 9785448576973

Аннотация

В известной пьесе Шекспира король Леонт грозит своему слуге Антигону смертью за то, что тот держится за женину юбку, не смея перечить своей благоверной. «Ты, старый дуралей, ты стоишь петли, если не умеешь ей рот зажать!» – гневно восклицает Леонт. «Но если всех повесить, кто не умеет рот зажать жене, мир опустеет...» – смиренно возражает ему вельможа. Неужели Шекспир устами мудрого Антигона тонко давал понять, что миром так или иначе праят женщины?..

Красавица и дикарь

Ордуни

Сдается мне, что «Красавица и дикарь» – лучший рассказ моего философского друга. Прочел залпом, на одном дыхании. Очень солидно! Правда, кто-то сказал, что в нем «слишком много текста и слишком мало секса»... Что поделать, такие нынче нравы. Мне ничего иного не оставалось, как последовать примеру Вольфганга Амадея Моцарта. Император Иосиф II по поводу «Похищения из сераля» однажды сказал выдающемуся композитору: «Слишком много нот, мой дорогой Моцарт». – «Ровно столько, сколько нужно, ваше величество», – ответил ему Моцарт.
В. В. Ковалев

© Ордуни, 2017

ISBN 978-5-4485-7697-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

В известной пьесе Шекспира король Леонт грозит своему слуге Антигону смертью за то, что тот держится за женину юбку, не смея перечить своей благоверной. «Ты, старый дуралей, ты стоишь петли, если не умеешь ей рот зажать!» – гневно восклицает Леонт. «Но если всех повесить,

кто не умеет рот зажать жене, мир опустеет...» – смиренно возражает ему вельможа. Неужели Шекспир устами мудрого Антигона тонко давал понять, что миром так или иначе правят женщины! Ответ пришел сам собой, на перроне, но должен вам признаться, что прозрению на железнодорожной платформе предшествовала разыгравшаяся в поезде драма, очевидцем которой мне довелось стать.

Как-то много лет назад по пути в славный город Петра Великого на величественной реке Неве со мной приключилась прелюбопытнейшая история, о которой я и намереваюсь тебе, дорогой читатель, тут поведать. В Петербург я направлялся со своей мамой, и ехали мы туда по скорбным делам, по причине кончины ее тетушки. Добираться в северную столицу нам предстояло ночным поездом. В семь часов вечера мы уже стояли на платформе. Несмотря на подошедший состав, я не торопился забраться в вагон. Ох, и люблю я запах вокзала! Чудесная комбинация запаха шпал, пропитанных креозотом, и торфяных брикетов для котлов вагонов кружила голову, опьяняя без вина. Строгая проводница средних лет с форменной пилоткой на голове проверяла билеты у столпившихся возле вагона пассажиров. Я зашел самым последним, когда перрон порядком опустел. Мама молча ждала меня в купе. Разложив чемоданы в отсеках для багажа, я снял китель и повесил его, после чего уселся рядом с мамой. Поезд издал три оповестительных сигнала, вагон тряхнуло, качнуло и, заунывно заскрипев, он медленно тро-

нулся с места. А через минуту наш вагон успокаивающе закачался на рессорах, и я, отодвинув накрахмаленный занавес, уставился в окно. Одинокие домишки и дома, станции и полустанки, едва различимые в ночной мгле, словно призраки возникали из ниоткуда и тут же уносились в никуда. Было темно, окружающий мир казался чуждым и странным, а знакомые очертания внушали страх, неуверенность и даже тревогу. Два часа пролетели незаметно. Мама продолжала молчать, разговор не клеился. На подступах к Коврову поезд стал сбавлять ход. Наконец он остановился.

Практически пустой вокзал выглядел негостеприимно, зато наш порядком притихший вагон, напротив, стал оживать, слышались шаги проводницы, шум открывающейся тамбурной двери, людские голоса. А вскоре открылась и дверь нашего купе, и в проем с трудом протиснулся широченный мужчина лет тридцати пяти с кейсом на колесиках, а вслед за здоровяком вошла девушка. От нее хорошо пахло дорогими духами и еще чем-то пряным, тревожащим ноздри. С появлением новых попутчиков я оживился. Хотя честнее было бы сказать, что оживился я с *ее* появлением. В ней чувствовалось что-то притягательное, раздражающее и покоряющее. Эта сила была сопоставима с гравитацией, сопротивляться ей было просто невозможно, и я слепо повиновался идущим откуда-то из глубин души импульсам. Дикая инстинкты, грубые и жадные, придавленные культурой, вмиг очнулись ото сна, отряхнулись от уз небытия, и неразумный

дикарь древнекаменного века выскочил из цивилизованного человека. Он дико озирался по сторонам, сопел, пыхтел, сжимал кулаки, скрежетал зубами и думал лишь об одном... Он рвался вперед, то ли в бой, то ли в пляс, бушевал и неистовствовал. В мгновение ока мое сознание превратилось в арену бушующих страстей! Я боролся с искушением тайком взглянуть на *нее*, искал удобный повод заговорить и продолжал пожирать ее взглядом. Вероятно, этому немало способствовали ее зеленые глаза, рыжие, как огонь, волосы и полупрозрачная блузка, сквозь которую предательски проглядывал кружевной бюстгальтер. Вообще грудь девушки была выдающейся во всех значениях этого слова...

При ее появлении моя мама, женщина строгих нравов, укоризненно посмотрела на нее, потом медленно перевела взгляд—упрек на меня. Казалось, что она читает мои мысли. Я сделал вид, будто ничего не произошло. Тем временем наши попутчики благополучно расположились напротив. Девушка непринужденно сидела, закинув ногу на ногу. Черная юбка обтягивала ее бедра, придавая всей фигуре особое изящество. Колоссальным усилием воли я пытался смотреть в окно, и вообще весь находился в напряжении. Мужчина сидел с серьезной миной, со сведенными на животе руками, сцепленными в замок, и нервно вертел большими пальцами. Обручальное кольцо на его безымянном пальце терялось на фоне массивной печатки на мизинце. Да и сам он был настолько плотной комплекции, что занял аж добрую

половину сиденья. Вся его внешность и, главное, спутница красноречиво говорили о том, что их обладатель не рядовой труженик... «Нас двое, а она – одна!» – почему-то подумал я. Ее присутствие никак не позволяло мне вести себя естественно, и я пытался гнать дурные мысли прочь. Мужчина напротив был явно чем-то озабочен, и ему было определено не до нас. Некоторое время все сидели молча, каждый думал о своем. Вагон затрясло, заскрипели тормоза, и состав с шумом засвистел, сбавляя скорость. Мужчина посмотрел в окно, после чего неторопливо открыл свой кейс и вальяжно извлек наружу бутылку Хеннесси. Вслед за замысловатой тарой последовал небольшой пакет, завернутый в золотистую фольгу, пара стаканов, тарелки и вилки. Все это по-домашнему и с большим вкусом было размещено на небольшом купейном столике. По той прыти, с которой орудовал мужчина, было видно, что в деле сервировки он не новичок. Сделав своё дело, мой попутчик участливо пригласил нас присоединиться. Дикарь было рванулся с полуслова, однако я, бросив украдкой взгляд на маму, вежливо отказался, опасаясь выдать себя и проклиная за малодушие. Девушка с любопытством разглядывала блестящие звезды на моем кителе. Я мысленно пожалел о том, что он не на мне. Тем временем ее спутник развернул пакет и моему взору представили ярко-красные раки. Вытаращив глаза, они словно вопрошали: «За что?» Здоровяк стал откупоривать бутылку, когда его спутница легким прикосновением руки моментально

остудила его пыл.

– Я не буду, – едва слышно произнесла она.

Мужчина засуетился, завертелся, однако, пусть и с большим трудом, но оставил бутылку в покое. Ангельский голос девушки, хранившей до сих пор молчание, вкупе со зрительными впечатлениями породили в моем сознании очередную волну чего-то, *что* описать мне крайне сложно. Это нечто толкало меня к ней, тянуло, неумолимо влекло, оно не терпело никакой дистанции между нами и властно требовало сиюминутного и полного слияния. Я трепетал от гнева, похоти, стыда и бессилия.

Время близилось к полуночи, моя мама, утомленная заботами и хлопотами дня, стала готовиться ко сну. Наши места были внизу, час – поздний, надо было ложиться, и мать стала деловито стелить постель. Однако попутчики, как можно было по ним видеть, совершенно не собирались спать. Девушка отрешенно листала журнал, а ее кавалер сидел расстроенный, уткнувшись в окно.

– Ну, намекни хоть, – прошептала мне мама. – Завтра очень много дел, надо выспаться.

Мужчина, видимо, поняв, в чем дело, вежливо обратился ко мне.

– Вас можно попросить об одолжении? – спросил он.

– Да, конечно...

– Вы не могли бы поменяться местом? Мы обычно засыпаем поздно, а то и вовсе не спим (кто бы сомневался, поду-

мал я). У Ани же верхнее место...

– Ани?.. – на мгновение удивился я, но, сообразив, что к чему, согласился. – О чем разговор, – ответил я, стараясь вести себя непринужденно.

Мое замешательство не осталось незамеченным.

– А что вас смутило, если не секрет? – настороженно спросил мой попутчик и при этом подозрительно посмотрел на свою спутницу.

У него на лице было написано «Так ты его знаешь?!» Девушка даже не шелохнулась, только оторвала глаза от журнала. В них я прочел надменность и презрение...

– Нет, ничего, пустяки, ведь мою маму тоже зовут Аней, – поспешил успокоить его я.

Мужчина, видимо, не ожидавший такой легкой развязки, рассмеялся, но под тяжелым взглядом девушки притих:

– Мы вас не побеспокоим, я уверяю... Просто привычка поздно ложиться... – начал снова оправдываться он.

– Да не переживайте вы, молодой человек, – ответила мама, – меня лично и пушкой не разбудить, а сын... так он привык! вечно то дежурства, то облавы, то еще черт знает что... Покою никакого нет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.